

В Нью-Йорке на посетителей Метрополитен-Опера обрушился за последние пять дней настоящий звездопад. Помимо «Самсона и Далилы» с Пласидо Доминго, здесь прошли «Лоэнгрин» в постановке Роберта Уилсона и восстановленная постановка Джона Когли «Любовный напиток». Тот, кто приходит на спектакль Уилсона, заранее знает, что в определенный момент с потолка спустятся архаичные, сверкающие глыбы, что вокруг них на цыпочках будут скользить исполнители, неестественно воздевая руки. «Лоэнгрин» вполне соответствовал этим ожиданиям. В прелюдии к первому акту на пустой, залитой голубым светом сцене появляется и медленно перемещается прямоугольник ослепительно белого света. Эта сверкающая, ледяная красота зачаровывает зрителя и совершенно отвечает духу Вагнера. Между тем режиссер забывает, что не актеры для сцены, а сцена для актеров. Когда на фоне сверхчеловеческого величия появляются вполне живые исполнители — причем не кто-нибудь, а Бен Хептнер, Дебора Войт и Дебора Поласки, — возникает ощущение, что они здесь явно не на месте. Сценография — сама по себе, певицы, как бы великолепны они ни были, — сами по себе. Зато Джеймс Ливайн и его оркестр — для всех. В конце представления публика стоя устроила овацию исполнителям и дирижеру и освистала художника, для чего, по мнению корреспондента *The Times*, все же не было оснований. Зрители, пришедшие увидеть и услышать Лучано Паваротти в «Любовном напитке» испытывали то же чувство, что посетители цирка, глядя на стареющего гимнаста на трапеции: «а вдруг сорвется». Срывы, безусловно, бывают (в январском представлении «Луизы Миллер» Паваротти пел плохо, а временами на пел вообще), однако на этот раз знаменитый тенор напомнил о своих лучших временах, особенно в красноречивых и тонко нюансированных речитативах; при этом Паваротти был не в лучшей физической форме, ему часто приходилось садиться. Зато его партнерша Рут Анна Свенсон в партии Адины была абсолютно безупречна.

Русская телеграф - 1998 - 26 марта - с. 10